

Сяо Сыжун вышла замуж за Цзянь Исина, но первые два года у них не было детей.

То была нефритовая подвеска, на которой были вырезаны два иероглифа — Шучи.

Шучи, Шучи.

Сяо Сыжун, восседая на месте хозяйки дома, наблюдала за оживленной суетой.

В этом было глубокое значение.

Госпожа Ван, опираясь на могущество своего клана, блистала во всей красе. Сяо же были вынуждены глотать обиды, отправив лишь Сяо Ли засвидетельствовать почтение.

Он был так счастлив, что, нарушив все приличия, устроил пышный пир.

В то время клан Ван из Тайюаня был весьма влиятельным, и даже если бы он закатил пир в честь сына госпожи Ван, никто не посмел бы сказать и слова.

Сяо Ли опустил руки, подавляя странное чувство в груди.

Он знал, что из-за отсутствия детей Сяо Сыжун жилось в доме Цзянь несладко, и, возможно, она пыталась заглушить душевную боль, целиком погрузившись в работу.

Поэтому... он мог лишь так стараться помочь ей.

Когда сосредоточен на одном деле, тоска отступает.

Сяо Сыжун сдерживала волнение, улыбка не сходила с её губ.

Как хорошо.

Она повторяла: Как хорошо.

...

С тех пор каждую ночь она копировала те чертежи, пытаясь в море книг постичь то, с чем раньше никогда не сталкивалась.

От мелочей вроде строительных материалов до планировки целых архитектурных ансамблей.

Днем она управляла внутренними покоями, а в свободное время садилась в саду с чертежами, кропотливо перерисовывая их и собирая в книги.

Именно поэтому Цзянь Исин не любил заходить в её двор.

Будучи женщиной, она занималась делом, которое совершенно не соответствовало её статусу.

А может, всё дело было в зависти — он завидовал её уму.

В те годы она была прославленной столичной красавицей, чьи таланты заставляли бесчисленных мужчин склонять головы в смущении.

Цзянь Исин усмехнулся про себя: ну и что с того, что она была талантлива?

Став женой, она не родила наследника — а это было первым из семи оснований для развода. Она два года лишь зря ждала его.

Влияние клана Ван росло, и как бы быстро ни развивался род Сяо, они всё равно оставались в тени.

В последующие пять лет Цзянь Шучи заглядывал во двор Сяо Сыжун лишь трижды, всё остальное время он проводил у госпожи Ван, которая лично обучала его грамоте.

Холод оставался холодом, а веселье — весельем.

Порой, подняв голову от стола, Сяо Сыжун чувствовала, как сильно намокли её щеки.

Она стискивала зубы и, взяв кисть, продолжала чертить.

Я могу быть твердой, как скала, и гибкой, как бамбук, могу быть мягкой, как вода, и яростной, как степной пожар... Мою жизнь должна определять я сама.

Я готова отдать все силы за то, что люблю, и ни о чем не жалею.

...

Столько лет сплетен и злобных домыслов — она вынесла всё.

Но чего она никак не ожидала, так это того, что у неё появится собственный ребенок.

После последней близости с Цзянь Исином она чувствовала себя очень слабой.

Приглашенный врач, осмотрев её, радостно поздравил:

— Госпожа, вы в положении!

Сяо Сыжун замерла, надолго погрузившись в оцепенение, её глаза постепенно наполнились слезами и покраснели.

Она нежно коснулась живота, свернувшись калачиком.

Это её ребенок...

Из комнаты донеслись всхлипы, разогнав холод, царивший в саду.

Она отложила кисть и взялась за забытое рукоделие, стежок за стежком вышивая одежду для малыша, которому вскоре предстояло появиться на свет.

Кто ты — мальчик или девочка?

Как тебя назовут?

Сяо Сыжун улыбалась, перебирая в уме множество имен.

Если девочка — назову Имын.

Если мальчик... назову Иянь.

...

В день родов Сяо Сыжун обливалась потом, но духом была крепка.

Её ребенок не причинил ей слишком много мучений.

Глядя на тихо спящего младенца, Сяо Сыжун мягко прошептала:

— Иянь.

Отныне... тебя будут звать Иянь.

Даже если мир покроет тебя позором, ты должен смотреть в небо без стыда и жить среди людей с чистой совестью.

Она прижалась лбом к его лбу, безмолвно проливая слезы.

— Иянь.

...

...

За шесть лет Сяо Сыжун научила Цзянь Ияня многому.

Она любила сажать его к себе на колени, разворачивала все свои альбомы и, указывая на рисунки и письма, рассказывала ему о большом мире —

о дождливых улочках Цзяннани, о нравах Линнани, о чудесах Западного Ляна, об экзотических цветах Наньчжао.

— Вы сами там были? — мальчик поднял на неё глаза.

Сяо Сыжун закусила губу, не зная, что ответить.

Чувство утраты вновь наполнило сердце.

Разве могла она... побывать в тех краях?

— Когда вырасту, я отвезу вас туда, — Цзянь Иянь согрел её холодные руки своими.

Мы увидим горы и реки этого мира, исторические руины и архитектурные шедевры разных земель.

На душе у Сяо Сыжуна потеплело, она рассмеялась и щелкнула его по носу.

— Только болтать и умеешь. Наверное, всё, чему я тебя учила, уже забыл?

Неожиданно сменив тон, Цзянь Иянь на мгновение замолчал.

Сяо Сыжун спросила:

— Каковы три основы архитектуры?

Цзянь Иянь ответил:

— Польза, прочность, красота.

Сяо Сыжун:

— А что такое красота?

Цзянь Иянь тщательно припомнил урок, загибая пальцы:

— Разумная соразмерность, устойчивость и естественность. Нельзя допускать, чтобы верх был тяжелее низа, иначе здание рухнет; нельзя делать верх слишком широким, а низ узким, иначе конструкция не выдержит. Также следует избегать одиноких высоких шпилей и тонких выступающих элементов.

Архитектурная эстетика не терпит жеманства и нагромождения лишнего.

— Какой ты умный! — взгляд Сяо Сыжун стал еще нежнее, она ущипнула его за пухлую щечку и улыбнулась. — Тогда давай я научу тебя устройству дома?

Цзянь Иянь выпрямился, приготовившись слушать:

— Хорошо!

...

Прошло десять лет, а Сяо Сыжун завершила лишь половину своего идеального труда.

Обучив его этой половине, она больше не могла ничего добавить.

Она хотела запечатлеть архитектурный облик девяти областей Дуннина, нарисовать изящные памятники древности, хотела двигаться дальше, в сторону Западного края и северных пустынь, познавая мир.

Сяо Сыжун поцеловала Цзянь Ияня в лоб:

— Иянь, давай рисовать вместе, хорошо?

Закончим остальное вместе.

Цзянь Иянь кивнул. В последующие два года он объединил инженерное черчение, изученное в современном мире, с древней техникой рисования, стремясь четко и быстро разбирать структуру и формы зданий.

Иногда он заменял Сяо Сыжун, копируя чертежи, присланные Сяо Ли, чтобы облегчить её ношу.

Сяо Сыжун же редактировала рукописи, подыскивая точные слова в огромном количестве архивных документов.

В разных местах свои обычаи, и у плотников часто были свои термины и народные названия для инженерных приемов.

Ей предстояло собрать всё это в единый словарь.

Не имея богатого инженерного опыта, заниматься подобным делом в глубине богатого поместья — нетрудно догадаться, насколько это было тяжело.

Иногда, когда Цзянь Иянь уже спал, она всё еще сидела в кабинете, склонившись над бумагами, мучительно размышляя.

Такое истощение сил не прошло бесследно, к тому же сказались годы тревог, и в один из осенних вечеров она слегла.

Эта болезнь стала последней.

Она больше не могла держать кисть, тогда Цзянь Иянь садился рядом, слушал её и сам рисовал и писал.

Всякий раз, когда она начинала говорить, её раздирал кашель, она кашляла кровью так, будто хотела выплюнуть собственные внутренности.

— Госпожа! Отдохните хоть немного! — умолял врач.

Дни Сяо Сыжун были сочтены, и если продолжать в том же духе...

— Я знаю... — Сяо Сыжун криво улыбнулась, невидящим взором уставившись в балдахин. — Я знаю, что происходит с моим телом.

Её книга в итоге стала её неисполненной мечтой.

После того как она слегла, управление внутренними покоями перешло к госпоже Ван.

Закончив дела, госпожа Ван часто приходила прислуживать ей.

В то время Цзянь Шучи, учившийся в Гоцзыцзяне, как раз был рекомендован в Павильон Хунвэнь и мог навещать Сяо Сыжун только по вечерам.

Это был период, когда он чаще всего заходил в её двор.

Семилетний Цзянь Иянь всегда сидел у кровати Сяо Сыжун, повернувшись к нему спиной.

Шучи думал, что мальчик плачет, но, случайно взглянув, увидел, что тот что-то рисует.

Увидев его, Сяо Сыжун слабо поманила его рукой и с трудом выдавила из себя:

— Могу ли я со спокойным сердцем... доверить тебе Ияня?

Глаза Цзянь Шучи расширились, и он услышал, как слезы падают на бумагу — четкий и тяжелый звук.

Он застыл, глядя на Цзянь Ияня, его губы дрожали.

— ...Хорошо.

Когда Цзянь Шучи и госпожа Ван ушли, Сяо Сыжун крепко обняла Цзянь Ияня и разрыдалась.

— Прости... Иянь... прости...

Так рано я оставляю тебя... прости...

Больше слов не было, они утонули в горячих слезах.

Цзянь Иянь закрыл глаза, вспоминая сцену из прошлой жизни.

Его мать объездила всю страну, посвятив себя изучению древней архитектуры, и в конце концов слегла от переутомления.

В реанимации женщина, подключенная к аппарату искусственного дыхания, с глазами, полными слез, пристально смотрела на него, словно говоря:

— Прости...

Что так рано оставляю вас.

Цзянь Иянь не мог вымолвить ни слова, а стоявшая рядом Цзянь Имын горько рыдала.

Больше никто не спросит тебя, что такое архитектурная эстетика.

Никто не укажет на чертеж, объясняя, что это за конструкция, какая порода дерева используется и какой визуальный эффект это создает.

В её книге осталось еще много пустых страниц, но она слишком рано ушла из жизни.

В своем завещании она написала: Хочу быть похороненной в теплой Цзяннани, простая могильная плита, немного свежих цветов — этого достаточно.

Не входить ни в чей родовой склеп, не быть ничьей женой, она просто хотела сама увидеть этот мир.

Если же это невозможно по правилам, пусть будет так.

Но она знала, что Сяо Сыянь, ставшая императорской наложницей, и Сяо Ли смогут ей помочь.

В день её смерти Сяо Сыянь лежала на гробе, рыдая так, что не могла вдохнуть.

Две красавицы столицы, чьи таланты были столь выдающимися, в итоге не смогли противостоять течению времени.

О каком счастье могла идти речь? Им никогда не была нужна высшая роскошь.

Я хотела скакать по полям сражений, как героиня, ты хотела чертить сотни зданий и прославиться книгами...

Но всё это оказалось лишь тщетными мечтами.

Перед отправкой Сяо Сыжун в Цзяннань Цзянь Иянь передал Сяо Ли чертеж.

— Дядя, это... проект кладбища, который нарисовала матушка для себя.

Сяо Ли замер, его руки дрожали. Он взял чертеж, развернул его — каждая линия была прорисована с невероятной точностью.

Это, несомненно, была рука Сяо Сыжун.

Но никто не знал, что это Цзянь Иянь, имитируя почерк матери, спроектировал это для неё.

— В цветущей Цзяннани, надеюсь, вам будет хорошо.

Исполняя последнюю волю, Цзянь Иянь не поехал в Цзяннань соблюдать траур, а остался в своем дворе, продолжая работу над книгой.

Сборник архитектурных канонов — название, которое заранее выбрала Сяо Сыжун.

Собрание методов строительства, форм и назначений деталей, инженерных терминов и просторечий всех областей.

Как же Цзянь Иянь хотел вырасти, стать достаточно взрослым, чтобы выйти за ворота, объехать оставшиеся земли и воочию увидеть те постройки.

Если бы задача была выполнена, он бы так и поступил.

Но он никак не ожидал, что Сборник пропадет из его двора.

В то время Цзянь Исин столкнулся с трудностями, на вверенном ему объекте возникли проблемы, и его должность понижали одну за другой.

Чтобы исправить положение, он вспомнил о книге Сяо Сыжун и захотел использовать её в своих целях.

Узнав, что книгу забрал Цзянь Исин, Цзянь Иянь был так взбешен, что не мог есть, и с семи лет начал открытое противостояние с отцом.

Позже, даже под давлением клана Сяо, Цзянь Исин так и не смог вернуть книгу.

Потому что Сборник исчез, и никто не знал, в чьих руках он оказался.

Цзянь Иянь лежал на кровати, закрыв лицо руками, и беззвучно плакал.

Он плакал по Сяо Сыжун.

Десять с лишним лет тяжелого труда — и всё пошло прахом.

Он пребывал в унынии целых три года, в течение которых Цзянь Шучи, как старший брат, проявлял к нему чрезмерную заботу.

— Прошное... пусть оно останется в прошлом, — Цзянь Шучи гладил его по волосам, мягко убеждая. — Не злись больше на отца, хорошо?

Цзянь Иянь молчал.

В глубине души он яростно сопротивлялся.

Теперь Цзянь Шучи открыл ему свое истинное лицо, и он, не колеблясь, отверг его.

Цзянь Шучи усмехнулся:

— А если я знаю, где Сборник?

— ... — лицо Цзянь Ияня помрачнело, кулаки сжались.

Он процедил сквозь зубы:

— Использовать вещи моей матери, чтобы угрожать мне... ты вообще человек?

— Если я отброшу человеческую мораль, ты думаешь, я всё еще человек? — Цзянь Шучи обнял его, вдыхая аромат его шеи. — Больше всего мне нравится видеть тебя таким...

Таким сосредоточенным, когда ты смотришь на меня, таким яростным, но вынужденным подчиниться.

Глаза Цзянь Ияня налились кровью, он отчаянно брыкался, пытаясь оттолкнуть его.

Цзянь Шучи изо всех сил вцепился в него, жестоко сдавив горло, и прошептал угрозу:

— Советую тебе вести себя послушно, иначе я не гарантирую, что эта книга когда-нибудь увидит свет.

— Выйдет ли эта книга в свет... никогда не решал и не будет решать такой человек, как ты!! — Цзянь Иянь резко вскочил и толкнул его на книжный шкаф.

Цзянь Шучи глухо застонал, по его лбу потекла кровь.

— Цзянь Иянь!! — дверь распахнулась, и снаружи послышался яростный крик — это были Цзянь Исин и госпожа Ван.

— Избиваешь брата! Ты становишься совсем неуправляемым!! — увидев происходящее, Цзянь Исин пришел в ярость и тут же набросился на Цзянь Ияня с криками: — Негодник!

— Шучи! — госпожа Ван, испугавшись, бросилась звать врача, а затем спросила: — Это Иянь тебя ударил?!

Не дожидаясь ответа Шучи, Цзянь Исин рявкнул на слуг:

— Чего стоите? Взять его и на колени в родовом храме!

— Отец... нет... — попытался было объяснить Цзянь Шучи.

— Я пойду сам, — резко оборвал его Цзянь Иянь. Он смотрел на них сверху вниз, его холодный, лишенный всяких чувств взгляд скользнул по всем троем и остановился на лице Цзянь Исина.

— Быть с вами одной семьей — просто омерзительно.

— Ты...!

...

В родовом храме ночью было очень холодно, свет фонарей едва теплился. Цзянь Иянь выдохнул облачко пара, пошарил в рукаве, достал несколько деревянных палочек и принялся медленно обстругивать их маленьким ножом.

— Брат Иянь... — из-за двери прилетела верхняя одежда.

Показалась голова Цзянь Шуюнь.

Цзянь Иянь слегка вздрогнул:

— Зачем ты пришла?

Цзянь Шуюнь была младшей дочерью госпожи Ван, её воспитывали в строгости, и хотя они жили в одном доме, виделись они крайне редко.

Девочка покачивалась — видимо, встала на плечи служанки, чтобы передать ему одежду.

— Они ушли ухаживать за братом.

— Иди скорее, если обнаружат — накажут.

— Ладно...

Девчонка помахала рукой и с глухим стуком свалилась на землю, охнув от боли.

Она была так похожа на его сестру Цзянь Имын.

При мысли о ней Цзянь Иянь немного успокоился, закутался в халат и, утомленный, закрыл глаза.

Некоторые умирают легко, некоторые живут мучительно.

Порой он не мог понять: жив он или уже мертв.

Утомительная жизнь.

На третий год Цзянь Исин взял в наложницы девушку из боковой ветви клана Ван.

19. Дворцовые записки (XVII)

Цзянь Иянь только собрался заговорить с Инь Вэем, как тот сам подошел к нему с кипой докладов.

Да не может быть, опять хочет заставить меня проверять документы, Цзянь Иянь откинулся назад с выражением полного неприятия.

Увидев это, Инь Вэй рассмеялся и обозвал его сорванцом.

Вспомнив об исчезновении системы, он снова забеспокоился: внутри него накопилось столько всего, о чем не с кем было поговорить.

Сейчас важнее всего было решить дела клана Цзянь и вернуть Сборник Сяо Сыжун.

Он потянул его за собой:

— Никто тебя проверять не заставляет, чего прячешься?

Цзянь Иянь облегченно вздохнул, прижав руку к груди.

Вечером, заступив на дежурство во дворце Цифэн, Цзянь Иянь заметил, что Вэнь Шидао снова нет.

Говорили, что он взял отпуск, но правды никто не знал.

Внутри Цзянь Ияня зародилось смутное предчувствие, он вспомнил взгляд, которым Вэнь Шидао смотрел на него на зимней охоте.

Цзянь Иянь покачал головой, не проронив ни слова. Его решимость съехать из поместья Цзянь была непоколебима.

— Значит, ты решил просить помощи у клана Сяо?

Цзянь Ияню было всего пятнадцать, и хотя он был помолвлен с принцессой, правила Дуннина гласили, что неженатые мужчины должны жить с родителями, проявляя сыновнюю почтительность.

Если бы он съехал сам, сколько сплетен бы поползло — люди решили бы, что клан Цзянь пренебрегает этим законным наследником.

— Хочу съехать.

Но пока не съехал.

— Ты хочешь уйти из поместья Цзянь? — Лу Минцзе удивленно посмотрел на него.

Цзянь Исин наверняка не стерпел бы такого позора.

Цзянь Иянь немного подумал и сказал:

— Не у Сяо, я найду кого-то посильнее.

...

Того, кто точно поможет.

Лу Минцзе прищурился — ему показалось, что от слов Ияня веет самоуверенностью.

— Твой старик опять чудит?

Лу Минцзе цокнул языком. Он давно знал, что у Цзянь Ияня с Цзянь Исином натянутые отношения, но не думал, что дело дойдет до ухода из дома.

Инь Вэй примостился рядом с ним, заняв большую часть стола — вел себя как хозяин, так что Цзянь Ияню оставалось рисовать лишь на самом краю.

Как раз когда он обдумывал, с чего начать разговор, откуда ни возьмись появилась полосатая кошка и прыгнула на стол.

Глаза Инь Вэя загорелись, он позвал её:

— Кис-кис...

Воистину, универсальный способ подзывать кошек.

Кошка с зелеными глазами посмотрела на Цзянь Ияня и, проигнорировав Инь Вэя, потерлась о его руку.

Цзянь Иянь тут же поднял руку и отодвинулся, не давая ей ластиться.

Инь Вэй даже рассмеялся от такой реакции.

— Это же та кошка, которую ты спас в зале Июань, не узнаешь?

Цзянь Иянь, не различающий кошачьи морды, выглядел растерянным.

— Какой же ты глупый! — Инь Вэй трижды постучал его по голове.

На самом деле, Цзянь Иянь поначалу был равнодушен к кошкам, но после поступления в университет часто бывал в котокафе, куда его затаскивала Цзянь Имын.

Там жили в основном послушные породистые кошки, которых Имын могла гладить часами, а Цзянь Иянь лишь оплачивал кошачьи консервы и смотрел, как она их кормит.

Кошка — это обязательный атрибут милой девушки.

А он — крутой парень.

<http://bllate.org/book/21581/2223653>